

Коридоры взросления: влияние мер политики и исторических событий на взросление современных россиян

ЕКАТЕРИНА С. МИТРОФАНОВА

РАНХиГС, Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0002-3322-5922>

Рекомендация для цитирования:
Митрофанова Е. С. (2026) Коридоры взросления: влияние мер политики и исторических событий на взросление современных россиян. *Социология власти*, 38 (4): 1-25.
EDN:

For citation:
Mitrofanova E. S. (2026) Influence of Policy Measures and Historical Events on Russians' Transition to Adulthood. *Sociology of Power*, 38 (4): 1-25.

Поступила в редакцию: 01.12.2025;
прошла рецензирование: 21.12.2025;
принята в печать: 30.12.2025
Received: 01.12.2025; Revised:
21.12.2025; Accepted: 30.12.2025

© Author, 2026
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: Исследование посвящено анализу институциональных коридоров взросления в России XX — начала XXI века с акцентом на том, как демографические волны, политика государства и исторические события формировали тайминг и последовательность наступления стартовых событий жизни. Теоретическая рамка опирается на концепцию жизненного пути, возрастную стратификацию М. У. Райли и современные демографические исследования. Данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) за 2003 и 2023 годы демонстрируют, что институциональные изменения в образовании, занятости, семейной и демографической политике сформировали уникальные коридоры институциональных траекторий, определявшие тайминг и последовательность наступления образовательных, трудовых и matrimониальных событий. Эмпирическая стратегия исследования включает анализ демографической структуры России на 2023 год, историко-институциональный обзор политики в сфере образования, занятости и семейной политике, а также сопоставление комбинаций образовательного, трудового и matrimониального опыта у когорт 1930–2009 годов рождения. Полученные результаты показывают, что демографические волны и институциональные изменения формируют «коридоры» жизненных путей, влияя на вероятность наступления ключевых событий взросления. В постсоветской России усиливается рассогласование между биографическими траекториями и институциональными

нормами, что приводит к растянутым и более вариативным переходам во взрослость. Исследование демонстрирует, что модели взросления современных россиян определяются сочетанием демографической динамики, институциональной инерции и политических решений. Наблюдается дестандартизация жесткой последовательности событий «учеба–работа–брак» и удлинение «биографической молодости» в пост-советских поколениях.

Ключевые слова: демография, взросление, Россия, меры политики, брачность, рождаемость

Influence of Policy Measures and Historical Events on Russians' Transition to Adulthood

Ekaterina S. Mitrofanova

RANEPA, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-3322-5922>

Abstract: This study is devoted to the analysis of institutional corridors of transition to adulthood in Russia during the twentieth and early twenty-first centuries, with a focus on how demographic waves, state policies, and historical events shaped the timing and sequence of initial life course events. The theoretical framework draws on the life-course perspective, M. W. Riley's concept of age stratification, and contemporary demographic research. Data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS) for 2003 and 2023 show that institutional changes in education, employment, and family and demographic policy created distinct institutional pathways that structured the timing and order of educational, labour-market, and matrimonial events. Methodologically, the study combines an analysis of Russia's demographic structure in 2023, an institutional-historical review of education, labour, and family policies over the past century, and a comparison of the socio-economic and demographic conditions under which cohorts born between 1930 and 2009 entered adulthood. The findings indicate that demographic waves and institutional transformations shape the “corridors” of life trajectories by influencing the likelihood of key adulthood transitions. In post-Soviet Russia, the mismatch between biographical trajectories and institutional norms has intensified, resulting in more prolonged and variable transitions to adulthood. The study shows that the models of growing up among contemporary Russians are shaped by the interplay of demographic dynamics, institutional inertia, and political decisions. A clear trend toward the destandardization of the rigid “education-work-marriage” sequence and the extension of “biographical youth” is observed among post-Soviet cohorts.

Keywords: demography, transition to adulthood, Russia, policy measures, marriage, fertility

Введение

В разных обществах взросление все чаще рассматривается не как фиксированная последовательность событий, а как многоставной процесс, формируемый пересечением демографических тенденций, институциональных норм и исторических обстоятельств. Рост продолжительности жизни, распространение нелинейных форм занятости, вариативность образовательных траекторий и изменения в семейном поведении привели к тому, что переходы во взрослость стали более растянутыми и менее стандартизированными. Эти сдвиги описываются в рамках концепции жизненного пути, подчеркивающей, что биографии формируются под воздействием как индивидуальных решений, так и структурных условий (Cain Jr. 1964; Eliason et al. 2015). Структурное отставание институтов становится заметным не только в странах с быстрыми социальными трансформациями, но и в развитых обществах, где старение населения и удлинение периода молодости требуют пересмотра прежних возрастных режимов (Albertini, Vignoli 2025; Riley et al. 1994).

3

Сравнительные исследования показывают, что многие страны сталкиваются с похожими вызовами: смещением границ молодости, усложнением переходов от образования к занятости, ростом обратимых и нестабильных биографических переходов. Однако национальные контексты — политика государства, демографические волны, исторические события — создают разные «коридоры» формирования жизненных путей, по-разному влияя на поколения (Badolato et al. 2024; Camerón 2023). Российский случай позволяет особенно отчетливо увидеть, как постсоветские реформы, демографические спады и институциональная инерция формируют специфический контекст взросления, отличающийся как от советского прошлого, так и от западноевропейских траекторий. Настоящее исследование направлено на выявление того, каким образом демографическая структура и институциональные изменения воздействуют на модели взросления современных россиян и как исторические события и меры политики задают рамки, в которых формируются их жизненные траектории.

Теоретическая рамка

В концепции Матильды Уайт Райли (Riley, Foner 1968; Riley et al. 1994) возраст рассматривается как один из ключевых механизмов социальной организации общества. Он понимается не только как биологическая характеристика, но как социальная категория, через которую распределяются роли, статусы и возможности. Подобно

социальному классу или гендеру, возраст формирует особую систему стратификации: различные возрастные группы занимают определенные позиции в социальной структуре и связаны с ожиданиями относительно образования, трудовой деятельности, семейного поведения и участия в общественной жизни. Возрастная структура задает институциональные рамки жизненного пути и определяет последовательность переходов между различными этапами жизни.

Центральным элементом в концепции Райли является термин «когортный поток». Поколения постепенно (потоком) перемещаются через возрастную структуру общества, последовательно занимая разные позиции в возрастной структуре. Они проживают разные этапы жизни в конкретном историческом времени, влияющем на принятие решений и построение биографий индивидами. Движение поколений сопровождается постоянным взаимодействием с институтами, которые реагируют на демографические и социальные изменения.

Размер и состав поколений влияют на работу социальных институтов. Многочисленные поколения создают высокую нагрузку на систему образования, рынок труда, брачный рынок, пенсионную систему, а малочисленные создают меньшую нагрузку на институты, но сама система может их впоследствии больше нагружать (например, через необходимость обеспечения многочисленных контингентов пенсионеров и детей). Колебания рождаемости, войны и эпидемии приводят к демографическим волнам, которые отражаются на возрастной структуре и влияют на распределение социальных ресурсов и возможностей.

Второй важный термин концепции Райли — «структурное отставание». Это ситуация, при которой социальные институты и принятые обществом возрастные ожидания не успевают адаптироваться к поменявшейся демографической структуре и социально-экономическим условиям. Продолжительность жизни увеличивается, образовательные траектории удлиняются, структура занятости и тайминг выхода на рынок труда трансформируются, в то время как возрастные нормы адаптируются значительно медленнее. В результате возникает несоответствие между институциональными моделями жизненного пути и реальными биографиями людей.

Современные исследования развивают подход Райли, уточняя, как возрастные нормы, когортные различия и институциональные изменения формируют жизненный путь в конкретных национальных контекстах.

М. Альбертини и Д. Виньоли (Albertini, Vignoli 2025) показывают, что в стареющих обществах трансформируется сам образ жизненного пути: возрастные переходы становятся более растянутыми, последовательность событий — менее стандартизированной, а гра-

ницы взрослости — более размытыми. В логике Райли это можно описать как усложнение институционально организованной возрастной структуры: формальные и неформальные возрастные нормы уже не задают единой «правильной» последовательности переходов, но продолжают действовать через систему поощрений и санкций.

В работе Л. Бадолато, Ф. Биллари и А. Лифброера (Badolato et al. 2024) возрастные нормы деторождения рассматриваются как элемент стратификации: идеалы нормативного времени рождения ребенка, реальные практики и национальные режимы политики образуют целостную систему. Показано, что возрастные ожидания относительно родительства различаются между социальными группами и странами, тем самым закрепляя неравенство в доступе к ресурсам и возможностям. Для анализа взросления россиян это задает важную рамку: переход к родительству остается одним из ключевых возрастных маркеров взрослости, а изменения в политике (материнский капитал, льготы, жилищные программы) могут по-разному воздействовать на поколения, формируя различающиеся модели «своевременного» и «запоздалого» взросления.

5 Работа М. Камерона (Cameron 2023), посвященная измерению структурного старения, развивает еще один ключевой мотив Райли — связь демографических изменений и институциональной структуры. Предлагаемый аксиоматический подход позволяет более точно описывать, как меняется возрастная структура населения и какие формы старения она принимает. Это важно не только для анализа пожилых возрастов, но и для понимания того, как смещаются границы молодости и взрослости. В условиях постарения населения, характерных и для России, возрастные ожидания в отношении образования, начала трудовой карьеры и формирования семьи неизбежно пересматриваются: институты вынуждены перераспределять ресурсы между возрастными группами, что может усиливать структурное отставание и создавать новые барьеры при переходе во взрослую жизнь.

В работах, сфокусированных на переходе во взрослость, показано, что когортные замещения и социальные изменения создают новые условия взросления, в которых биографические траектории могут расходиться с прежними институциональными нормами (Alwin, McSammon 2003). На данных стран ЕС эта связь прослеживается в брачных, образовательных и трудовых переходах: их тайминг различается между когортами и соотносится с социальным происхождением и национальными институциональными условиями (Billari et al. 2019). В более широком контексте работы по экономическому развитию Центральной и Восточной Европы фиксируют, что интеграция в ЕС изменила когортные траектории, но при этом

сохранила рассогласование между новыми биографическими паттернами и институциональными возможностями (Shkolnykova, Wedemeier 2025).

В контексте России выявлено, что условия взросления и социальные траектории миллениалов существенно отличаются от предыдущих когорт (Радаев 2019). Структурное отставание проявляется в рассогласовании между новыми биографическими паттернами и институциональными нормами, закрепленными в системе образования и на рынке труда. Н. Е. Тихонова исследовала субъективную стратификацию российского общества, фиксируя динамику восприятия социального неравенства и его влияние на жизненные пути разных когорт (Тихонова 2021). Эти исследования показывают, что структурное отставание в России связано не только с демографическими волнами, но и с институциональной инерцией в условиях социально-экономической нестабильности.

Центральный вопрос настоящего исследования заключается в выявлении того, каким образом демографические изменения влияют на социальные институты и индивидуальные жизненные пути, а также насколько существующие институциональные коридоры повлияли на модели взросления.

6

Демографическая структура в 2023 году

Исторический контекст взросления и численность когорт задают разные условия формирования жизненных траекторий. Демографические волны, выражающиеся в перепадах численности когорт, не являются исключительно российским явлением: сравнительные исследования развитых стран показывают, что циклы демографических бумов и спадов второй половины XX века заметно меняли возрастную структуру населения и долгосрочную демографическую нагрузку (Reher 2015). В российском случае эти волны особенно выражены из-за наложения военных потерь, кризисов рождаемости и постсоветского спада. Они характеризуют не только возрастную структуру населения, но и разную институциональную нагрузку на поколения: для советского контекста показано, что размер когорты был связан с образовательными траекториями и эффектами когортного переполнения (Yastrebov 2021).

Сильные колебания численности создают структурные вызовы для общества, поскольку изменяется состав ключевых возрастных контингентов — школьников, студентов, трудоспособных и пенсионеров. Это ведет к периодическим перегрузкам или недогрузкам социальной инфраструктуры, включая образовательные учреждения, систему здравоохранения и рынок труда. В условиях демографических волн меняется баланс спроса и предложения рабочей

силы, что усиливает конкуренцию за ресурсы, а также трансформируется спрос на товары и услуги, ориентированные на разные возрастные группы.

Численность когорт определяет не только функционирование институтов, но и вероятность наступления биографических событий. В семейно-демографической сфере она меняет структуру брачного и репродуктивного рынка, однако последствия этих изменений зависят от соотношения полов, возрастных норм, распространенности браков между партнерами разного возраста и экономических условий. Поэтому демографическая волна не автоматически повышает или снижает вероятность брака и рождения детей, но задает разные структурные условия, в которых поколения принимают ключевые биографические решения. Таким образом, численность поколений влияет на взросление не напрямую, а через несколько взаимосвязанных каналов: нагрузку на социальные институты, структуру брачного рынка и репродуктивных возможностей, баланс спроса и предложения на рынке труда, а также условия, в которых индивиды принимают ключевые биографические решения.

7 Половозрастная пирамида России на 1 января 2023 года¹ (рис. 1) демонстрирует характерные черты постсоветской демографической динамики. Во-первых, заметна асимметрия между мужским и женским населением: начиная с 35–40 лет численность женщин начинает превышать численность мужчин, что высвечивает проблему более высокой мужской смертности и меньшую продолжительность жизни мужчин. Во-вторых, в структуре младших возрастов фиксируется относительная узость основания пирамиды: численность детей и подростков меньше по сравнению с поколениями, родившимися в 1980–1990-е годы. Это связано не с краткосрочным колебанием, а с длительным периодом низкой рождаемости в постсоветские десятилетия.

В среднем возрасте (30–45 лет) на пирамиде наблюдается «выпуклость», связанная с демографической волной многочисленных когорт конца 1980-х — начала 1990-х годов рождения. Эти поколения сегодня составляют основную часть трудоспособного населения. В старших возрастах (60+) видна резкая редукция мужских когорт и более плавное сокращение женских, что формирует выраженный гендерный дисбаланс среди пожилых. То есть пирамида 2023 года отражает сочетание «эха войны», низкой рождаемости последних десятилетий, высокой мужской смертности и последствий демографических волн, определяющих нагрузку на социальные институты.

1 2023 год выбран как (1) обусловленный эмпирическим материалом дальнейшего исследования, (2) пример наиболее современных и доступных данных.

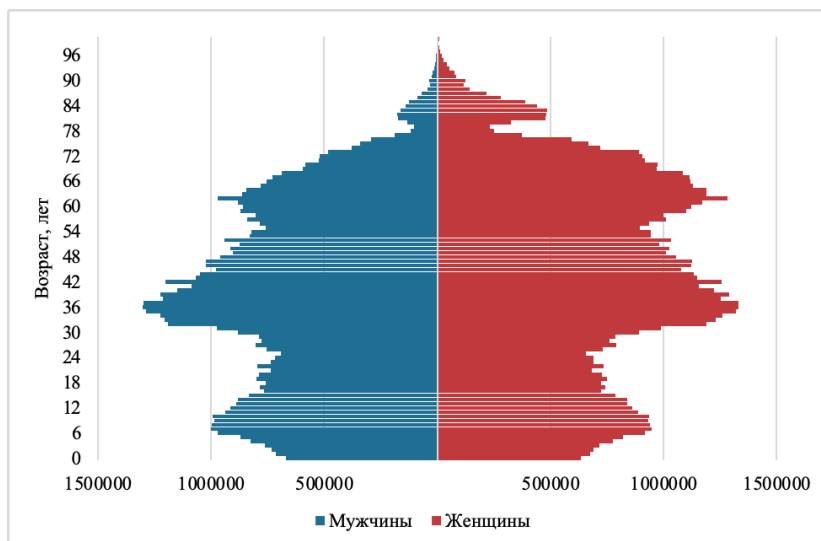

Рис. 1. Половозрастная пирамида России, на 1 января 2023 г.

Figure 1. Age-sex pyramid of Russia as of January 1, 2023.

Источник: Информационно-аналитические материалы Федеральной службы государственной статистики¹

8

Коридоры в социально-экономической сфере

Образование, занятость, жилищное обеспечение и семейная политика задавали и продолжают задавать рамки взросления российских когорт. Временной охват почти в сто лет позволяет сопоставить советскую стандартизацию образовательных, трудовых и жилищных траекторий с постсоветской перестройкой прежних связей между образованием, занятостью, отделением от родителей и семейными событиями.

Школьное образование СССР и РФ демонстрирует ограниченную вариативность тайминга. На протяжении советского периода возраст начала обучения постепенно стандартизировался и приблизился к современному интервалу 6,5–8 лет. Длительность обязательного среднего образования выросла с 7 до 9 лет. Среднее полное образование осталось необязательным; соответствующие нормативные изменения закреплены постановлениями 1930 и 1934 годов и законами 1958 и 2012 годов. В результате предельный возраст завершения обязательного обучения стабилизировался в интервале 17–18

¹ URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284>

лет, а минимальный возраст завершения основного образования вырос примерно с 13 до 15,5 года; тайминг среднего полного образования сместился к 17,5-19 годам сегодня. Эти институциональные изменения частично компенсировали друг друга, и за столетие границы получения школьного образования изменились сравнительно незначительно.

Профессиональное образование и доступ к высшему образованию были более подвижны, подчиняясь конъюнктурным и мобилизационным задачам. После либерализации приема 1918 года (бесплатность, минимальные барьеры) последовали периоды платности и квотирования в 1920-1950-х, затем возврат к бесплатности; менялись требования об обязательности законченного среднего образования и возрастные рамки приема (Зиновьев и др. 1969). В 1992 году, после распада СССР, введена многоуровневая система образования, а в 2003 году — двухступенчатая система высшего образования (бакалавриат/магистратура). Военные и трудовые мобилизации прямым образом перераспределяли молодежь между контингентами: например, во время войны в Афганистане усиливался призыв студентов и сокращались отсрочки, что снижало шансы на непрерывные образовательные траектории и модифицировало дальнейшие карьерные и семейные биографии мужчин (Митрофанова, Артамонова 2015). В совокупности меры 1980-х и начала 1990-х годов уменьшили вероятность получения профессионального образования у части когорт 1960-х годов рождения.

9

Законы, регулирующие трудовую деятельность в СССР, обязывали молодых взрослых работать непрерывно сразу после достижения 18 лет: закон о тунеядстве 1961 года фактически запрещал безработицу, «фриланс» и самозанятость; указы 1940 года закрепляли уголовные санкции за самовольную смену работы, увольнение и прекращение учебы в трудовых школах. После 1991 года были легализованы безработица и самозанятость, снята принудительная привязка к предприятиям, что сделало возможным появление нелинейных карьерных траекторий и разных форм занятости. Эти изменения существенно смягчили жесткость «узких мест» расписаний жизни, позволив продлевать образовательные траектории, совмещать обучение с занятостью и позже входить на рынок труда без прежних санкций.

Ключевым механизмом сопряжения образования и труда была система распределения выпускников, введенная в 1933-м: в разные периоды она предполагала принудительную отработку от 3 до 5 лет, ограничение смены места работы и профессии; с ней сочеталась политика «орбочивания», закреплявшая приоритет рабочих специальностей и трудовых стажей над непрерывным высшим образованием (Конохова 2012; Ярская-Смирнова и др. 2008). После распада СССР принудительное распределение исчезло, запрос на «всеобщее высшее образование» резко вырос, и, как следствие, оно стало массо-

вым (Малиновский, Шибанова 2022). Это увеличило вариативность последовательности событий: образование, работа, отделение от родителей перестали следовать единому нормативному расписанию.

В СССР было всего несколько способов отделиться от родительской семьи, и почти все они не требовали финансов, но предполагали наличие других социоэкономических или демографических событий. Можно было переехать к супругу после брака, в общежитие — после трудоустройства или поступления в вуз/суз, можно было встать в очередь на государственную квартиру (если были необходимые основания, например, рождение ребенка). В более позднее советское время появилась возможность участия в жилищном кооперативе (покупка строящейся квартиры). Институт прописки (1925–1993) и этапная паспортизация (1932–1989) ограничивали территориальную мобильность, особенно сельских жителей. Нарушение режима регистраций каралось штрафами и трудовыми работами (Любарский 1996). В совокупности жилье и прописка превращали отделение от родителей в производную от занятости, обучения, брака и рождения ребенка. После распада СССР частная собственность и рынок аренды радикально расширили способы отделения от родителей, при этом решающим фактором стала финансовая возможность купить или арендовать жилье. У современной молодежи фиксируется откладывание отделения от родителей, что во многом связано с нехваткой финансовых ресурсов (Долгова, Митрофанова 2015; Billari, Liefbroeg 2007).

10

Коридоры в демографической сфере

Семейное право 1926 года предлагало прогрессивный гендерный контракт, равенство детей, рожденных в браке и вне брака (Здравомыслова 2017). Сталинская рестриктивная волна усложнила разводы, криминализовала внебрачные союзы в 1944 году, ограничила браки с иностранцами в 1947 году, ввела публичность разводов и паспортные отметки об этом, что имело дискриминирующие последствия для карьер и статуса женщин и мужчин (Казьмина, Пушкарева 2004). Либерализация 1968–1969 годов восстановила графу «отцовство» для внебрачных детей и упростила разводы, но сохраняла государственный контроль над браком. В 1990-х добрачные сожительства постепенно стали приемлемой нормой; в 1995 году принят Семейный кодекс РФ, закрепивший новую правовую рамку семейных отношений. К этому времени прежние советские инструменты прямого стимулирования брачности и деторождения, включая налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, уже были демонтированы (Вишневский и др. 2006).

Репродуктивная политика прошла путь от легализации аборт в 1920-е годы к их запрету в 1936 году и повторному разрешению

в 1955-м. С 1941 года действовал налог на холостяков, одиноких и бездетных, позднее — малосемейных граждан; его поэтапная отмена началась в 1990 году. В течение всего советского времени расширялись пособия, инфраструктура для поддержки материнства, оплачиваемые отпуска по уходу за ребенком (Sakevich, Denisov 2014). По оценкам исследователей, меры поддержки рождаемости 1980-х преимущественно сместили календарь рождений без устойчивого повышения итоговой рождаемости когорт, усилив демографическую волну, т.к. в фертильный возраст вступала многочисленная когорта 1960-х годов рождения (Frejka, Zakharov 2012). После 2007 года введен пакет новых мер поддержки рождаемости, где наиболее резонансной мерой стал материнский капитал. Снова было простимулировано деторождение многочисленной когорты (1980-х г.р.), что, по международным свидетельствам, чаще приводит к изменению тайминга деторождения, а не итоговой рождаемости реальных поколений (Luci-Greulich, Thévenon 2013). При этом историческое наследие семейной политики закрепляло приоритетную поддержку материнства, оставляя вовлеченность отцов менее институционализированной частью репродуктивной политики (Бороздина и др. 2012).

11

Семейно-правовые нормы, репродуктивная политика, занятость и доступ к жилью поддерживали у советских когорт представление о раннем браке и раннем родителстве как ожидаемой траектории взросления. Эта логика не была неизменной: раннесоветская либерализация семейного права сменилась сталинской рестриктивной политикой, затем частичной либерализацией 1960-х годов и пронаatalистскими мерами 1980-х. Однако при всех изменениях ранний брак и родительство оставались связанными элементами нормативного взросления. Постсоветская либерализация сняла барьеры для формирования альтернативных последовательностей событий, нормализовав сожителство как форму первого союза, увеличив долю внебрачных рождений в устойчивых партнерствах и отложив вступление в брак и рождение первенца. Эти сдвиги согласуются с признаками второго демографического перехода, но проявляются в российских данных с временным лагом относительно западноевропейских стран (Puur, Rahnu, Maslauskaite, Stankuniene 2012; Puur, Rahnu, Maslauskaite, Stankuniene et al. 2012).

Данные и методы

Эмпирическая часть исследования выполнена на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ) как наиболее актуального массива данных, содержащего вопросы о наступлении ряда событий жизни. РМЭЗ — это репрезентативный опрос, основанный на вероятностной многоступенчатой

выборке, который проводится с 1994 года ежегодно по всей России.

Всего мы проанализировали восемь десятилетних когорт, начиная с 1930 г.р. и заканчивая 2009 г.р. по состоянию на 2003 и 2023 годы проведения обследования РМЭЗ. Распределение респондентов представлено в Таблице 1.

Таблица 1. Распределение респондентов РМЭЗ-2003 и РМЭЗ-2023 по полу и поколениям
Table 1. Distribution of RLMS-2003 and RLMS-2023 respondents by sex and cohort

Поколения	2003			2023		
	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
1930–1939	362	671	1033	66	257	323
1940–1949	346	512	858	219	560	779
1950–1959	606	796	1402	552	1115	1667
1960–1969	574	651	1225	638	990	1628
1970–1979	573	648	1221	748	965	1713
1980–1989	695	752	1447	820	921	1741
1990–1999	498	494	992	523	522	1045
2000–2009	136	150	286	625	662	1287
Всего	3790	4674	8464	4191	5992	10183

12

Ограничением опросов РМЭЗ является то, что в них не спрашивается порядковый номер того или иного события жизни, а также — точные даты или возраст их наступления: узнается лишь факт

1 Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Сайты обследования РМЭЗ: <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>

наличия события на момент опроса. Поэтому мы можем говорить именно о наличии опыта в разных сферах. Нами были сформированы ключевые переменные, содержащие информацию о наличии опыта работы, матримониального опыта (для краткости тут называем его браком), а также получения образования трех уровней: школьного, среднего профессионального и высшего. Имея эти три сферы и возможные статусы в них, мы закодировали все возможные состояния и составили набор из 16 комбинаций.

Преимущество такого подхода состоит в том, что РМЭЗ позволяет рассматривать образовательный, трудовой и матримониальный опыт не как изолированные характеристики, а как сочетания статусов на уровне респондента. Благодаря этому можно сопоставлять биографические профили мужчин и женщин разных когорт и фиксировать, какие комбинации опыта становятся более или менее распространенными в разные исторические периоды.

Полученные результаты мы визуализировали на диаграммах (рис. 2 и 3). Для каждого гендера и поколения представлен свой график перехода из состояний на момент 2003 года (слева) в состояния на момент 2023 года (справа). И левая, и правая шкала показывает, у какой доли поколения какие статусы присутствовали на момент замера. Чем насыщеннее цвет статуса, тем больше событий произошло у поколения. Самые светлые цвета показывают, что произошло только одно событие. Тип события обозначен цветовым оттенком: серый — полное отсутствие событий, зеленый — наличие школьного образования и других социоэкономических и демографических событий в зависимости от градации цвета, синий — среднее профессиональное образование с градацией цвета по той же логике и розовый — аналогично для высшего образования.

13

Методологические замечания и ограничения

В РМЭЗ собрана информация о факте события, а не о его порядке, поэтому говорим о наличии опыта события, понимая, что артикулированное респондентом событие может быть как первым, так и последним. Интерпретация комбинаций статусов по когортам в 2003 и 2023 гг. опирается на агрегированные распределения, что ограничивает выявление микроуровневых последовательностей и переходов во времени. В старших когортах текущие статусы являются предельными, а в младших — промежуточными. Этот эффект возраста требует осторожности при сравнениях биографий, не приведенных к одному возрасту. У молодых когорт высока доля «цензурированных» событий — то есть когда индивиды не имеют желаемых событий просто в силу юного возраста (еще не успели их получить).

Рис. 3. Изменение комбинаций статусов для поколений 1970–2009 г.р. с 2003 по 2023 г.
Figure 3. Change in status combinations for the 1970–2009 birth cohorts between 2003 and 2023.

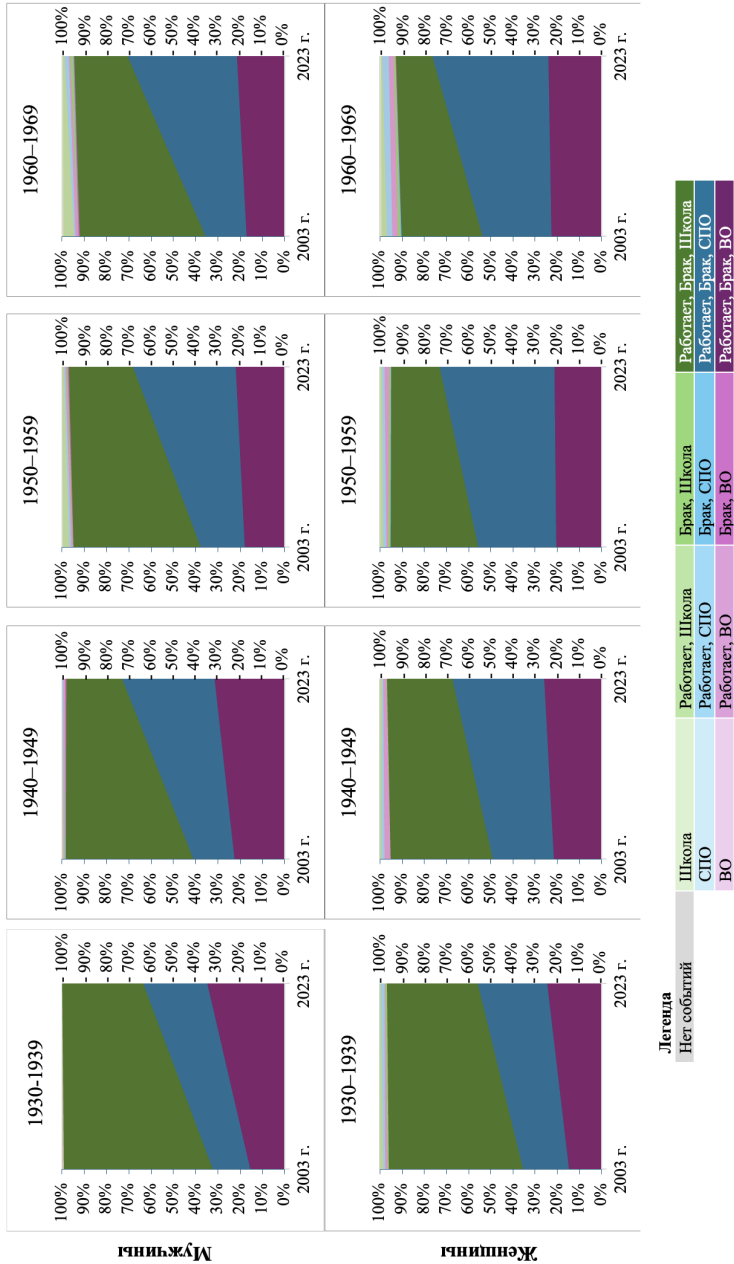
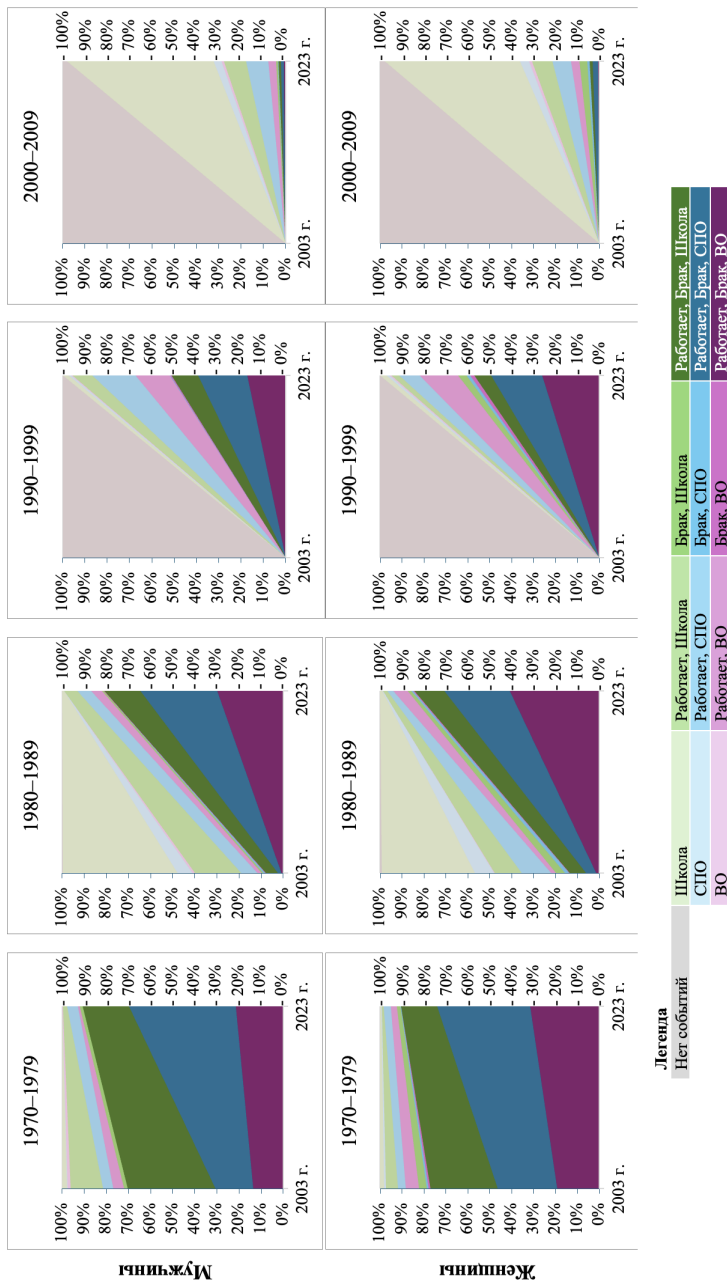

Рис. 2. Изменение комбинаций статусов для поколений 1930–1969 г.р. с 2003 по 2023 г.

Figure 2. Change in status combinations for the 1930–1969 birth cohorts between 2003 and 2023.

Анализ

То, что мы замечаем на графиках в первую очередь — следствие ограничений исследования: мы наблюдаем разные поколения на разных этапах жизненного пути, поэтому у поколений на рисунке 2 почти нет ненасыщенных цветов (когда есть одно или два события) — у них превалируют насыщенные цвета, говорящие о том, что они обрели опыт во всех обозначенных сферах. На рисунке 3 — напротив: мы видим большое количество светлых цветов и разных переходных вариантов. Это говорит о том, что поколения, рожденные после 1970-х годов, были еще молоды в 2003 и 2023 годах и еще не пережили все рассматриваемые события в соответствующих сферах жизни.

Мужчины: межпоколенческие сдвиги 1930–2000-х и их институциональные источники

В когортах 1930–1939 и 1940–1949 г.р. в 2003 году распределение статусов у мужчин практически целиком смещено в модальности «работает», «брак», «школа». Это отражает завершенность базовых переходов и необходимость раннего выхода на рынок труда в послевоенный период с жесткой привязкой к занятости, распределению и административным барьерам на смену места и профессии (Конохова 2012; Ярская-Смирнова и др. 2008). В 2023 году те же когорты демонстрируют смещение в сторону более высоких уровней образования. Этот сдвиг, вероятно, связан с изменением состава наблюдаемой совокупности между волнами обследования, прежде всего с селективным выбытием респондентов; в старших мужских когортах такая интерпретация особенно важна из-за небольшой численности наблюдений в выборке 2023 года.

У поколений 1950–1959 и 1960–1969 г.р. стартовый период 2003 года очень похож на предыдущие поколения, но через 20 лет такого же прироста в доле людей с высшим образованием мы не наблюдаем, хотя доля мужчин с СПО выросла сильнее, чем у предыдущих когорт. Наблюдаемые распределения соответствуют данным об инерции советских режимов занятости и норм ранней семейной жизни, усиленных эффектами мобилизации и ограничений на непрерывные образовательные траектории у мужских когорт, затронутых призывом и сокращением отсрочек в позднесоветский период (Митрофанова, Артамонова 2015).

Когорты 1970–1979 и 1980–1989 г.р. уже существенно младше, и находились в возрасте максимум 33 лет в 2003 году, поэтому энтропия их статусов предсказуема. Для когорт 1970–1979 г.р. уже заметно преобладание браков в цепочках событий, что будет исчезать в гра-

фиках для следующих когорт. Также видно тяготение к советской модели, где доля людей с высшим образованием невелика, как на 2003-й, так и на 2023 г. У мужчин 1980–1989 годов заметен рост доли завершеного ВО, совмещенного с работой, а брачная институционализация происходит позже; это согласуется с расширением окна выбора, массовизацией высшего образования и удлинением «биографической молодости» после 1991 года (Барков, Зубков 2022; Гимпельсон, Зудина 2017; Малиновский, Шибанова 2022). Постсоветские изменения снижают жесткость последовательности «учеба–распределение–работа–брак», позволяя откладывать брак и перестраивать связь образования с занятостью (Billari, Liefbroer 2010).

17 В молодых когортах 1990–1999 и 2000–2009 г.р. разрыв между 2003 и 2023 годами максимален, но очевиден в силу эффекта возраста. В 2003 году мужчины 1990–1999 годов еще представлены в модальности «школа» и ранние СПО/ВО, часто без брака и с частичным совмещением работы («работает, школа»), отражая начало дестандартизации последовательности и высокую межсобытийную плотность (образование и пробные входы на рынок труда). К 2023 году они смещаются в модальности «работает, ВО» или «работает, СПО», при более низкой доле «брак» в тех же возрастах по сравнению с когортами 1970-х и 1980-х, что соответствует отложенной брачности (Артамонова, Митрофанова 2016). Мужчины 2000–2009 г.р. к 2023 году преимущественно находятся в состоянии «школа» и ранние СПО/ВО, с заметным совмещением «работает, школа/СПО», что отражает продолжение сдвига к длительным образовательным периодам и гибридизации занятости с обучением в молодых возрастах. Эти паттерны укрепляют вывод о смене институционального режима: переходы становятся более растянутыми, календарно разреженными, а брачность наступает позже (Митрофанова 2019).

Женщины: институциональные лаги, брачно-родительские сдвиги и образовательная экспансия

Женские когортные профили в 2003 году для поколений 1930–1939 и 1940–1949 г.р. характеризуются завершенностью основных переходов и выглядят максимально похоже на мужские траектории с разницей только в доле тех, кто получил высшее образование.

У когорт 1950–1959 и 1960–1969 г.р. снова очень похожая на мужчин картина перехода, но общая доля тех, у кого есть СПО/ВО, выше, нежели у мужчин. Это объясняется тем неравенством в получении образования, которое было вызвано длительной службой в армии и отменой отсрочек в период Афганской войны.

У когорт 1970–1979 и 1980–1989 г.р. различия между 2003 и 2023 годами выражают сдвиг к более позднему браку и родительству. В 2003 году женщины 1970–1979 годов чаще находятся в состоянии «брак, работает», при низкой доле текущего ВО; женщины 1980–1989 годов в 2003 году активно завершают образование и совмещают «работает, ВО/СПО», с меньшей долей «брак» в тех же возрастах. К 2023 году у 1970–1979 годов брачная институционализация в значительной степени завершена, повышается доля «работает, ВО» как долгосрочной комбинации, указывая на конвергенцию женских образовательных и трудовых траекторий с мужскими при сохранении гендерных асимметрий в «стоимости» материнства (Бирюкова, Макаренцева 2017). У когорт 1980–1989 годов фиксируется более поздний «вход» в брак и родительство, а завершённое ВО и занятость становятся базовыми состояниями до брака.

Самые молодые женские когорты 1990–1999 и 2000–2009 г.р. демонстрируют максимальный сдвиг к длительным образовательным периодам и совмещению «работает, школа/СПО/ВО» к 2023 году, при низкой доле «брак» в соответствующих возрастах. Для женщин 1990–1999 г.р. к 2023 году повышается доля «работает, ВО», а брачность откладывается; у женщин 2000–2009 годов преобладают учебные состояния и ранние совмещения с работой, отражая продолжение тренда позднего родительства и брака. Эти сдвиги согласуются с ролью образовательной экспансии, нормализацией партнерств и возросшей приемлемостью рождений вне брака в устойчивых союзах.

18

Сопоставление 2003–2023: концентрация стартов, дестандартизация и гендерная дифференциация

Сравнение распределений по комбинациям статусов между 2003 и 2023 годами подтверждает три взаимосвязанных результата. Во-первых, у молодых когорт с 1990 до 2009 г.р. возрастает доля длительного получения образования и совмещения с занятостью, а брачность в тех же возрастах снижается относительно предшествующих когорт, что указывает на растянутые расписания взросления и отложенный старт семьи (Badolato et al. 2024; Billari et al. 2019). Во-вторых, у когорт с 1970 по 1989 г.р. наблюдается рост доли завершённого высшего образования в долгосрочных комбинациях «работает, ВО» к 2023 году, при более поздней институционализации брака, чем у предшествующих когорт; это согласуется с перепределением связи образования и занятости после отмены распределения и либерализации рынка труда (Гимпельсон, Зудина 2017). В-третьих, гендерные различия устойчивы: женские профили демонстрируют более сильные сдвиги к позднему браку и совмещению «работает, ВО» до брака, но остаются чувствительными

к «штрафу за материнство», что объясняет сохранение различий в долях «работает» на сопоставимых возрастах (Бирюкова, Макаренцева 2017).

Совокупно эти изменения иллюстрируют дестандартизацию последовательности «учеба–работа–брак–деторождение», известную по международным сравнениям, но в России реализованную с временным лагом и под влиянием специфических режимов мобилизации и семейной политики. Демографические меры 2007 года, вызывая сдвиги календаря деторождений, изменили тайминг, но не переопределили итоговую траекторию совмещения образования, занятости и брачности у молодых когорт, что подтверждается ростом доли «работает, ВО» в юных возрастах и отложенной брачностью.

19 Обнаруженные межпоколенческие различия согласуются с логикой описанных исторических режимов. Жесткие советские регуляции занятости, система распределения и ограничения мобильности формировали раннюю последовательность событий «учеба–распределение–работа–брак», что видно на когортах с 1930 по 1969 г.р. Постсоветская либерализация, массовизация высшего образования, ослабление призыва расширили окна выбора, увеличив долю совмещений «работает, школа/СПО/ВО» у молодых когорт и сдвинув брак на более поздние возраста. Отдельно роль военных и мобилизационных факторов у мужчин 1950–1959 и 1960–1969 г.р. подтверждает устойчивость ранней занятости и брачности при меньшей непрерывности образовательных траекторий. Гендерный перекос семейной политики, таргетированной на матерей, в сочетании с рыночными стимулами и «стоимостью» материнства, объясняет сдвиги к позднему браку и более выраженную совмещенность образования и занятости до брака у женщин.

Дискуссия

Анализ российских поколений с 1930 по 2009 год рождения демонстрирует, что когортный поток в российском случае имеет выраженную «ломаную» структуру. Каждая крупная демографическая волна проходила через возрастные позиции в принципиально разных институциональных условиях. Поколения, входившие во взрослость в советский период, сталкивались с жестко стандартизированными переходами: фиксированным таймингом окончания школы, обязательной занятостью, распределением, ранним браком. Поколения 1980–1989 и 1990–1999 г.р. проходили те же возрастные позиции уже в условиях институциональной турбулентности: либерализации и массовизации образования, нестабильного рынка труда, изменения семейной политики. Поколения 2000–2009 г.р. движутся через

возрастную структуру в условиях демографического сжатия, роста новых форм образования и нелинейной занятости. Такое расслоение когортного потока подтверждает ключевую идею Райли: поколения не просто сменяют друг друга, а проходят через возрастные позиции в разных исторических режимах, что формирует устойчивые различия в моделях взросления.

Результаты исследования показывают, что структурное отставание в России проявляется в нескольких измерениях. Образование: удлинение образовательных траекторий сопровождается более частым совмещением учебы и занятости, что указывает на растянутость перехода от образования к труду и ослабление прежней модели раннего выхода на рынок труда. Занятость: нестабильность рынка труда и рост гибких форм занятости вступают в противоречие с прежними нормативными представлениями о «правильном» времени начала самостоятельной жизни. Семья: политика стимулирования рождаемости опирается на нормы раннего родительства, тогда как реальные биографии демонстрируют устойчивый сдвиг демографических событий на более поздние возраста. Это несоответствие между институциональными ожиданиями и фактическими траекториями подтверждает идею структурного отставания: институты продолжают функционировать в логике прежних демографических режимов, тогда как биографии поколений уже изменились.

20

Выводы

Исследование показывает, что взросление в России формировалось как совокупность поколенческих коридоров, заданных демографическими волнами, институциональными правилами и историческими событиями. Демографические волны задают ритм когортного потока, политика формирует «коридоры» возможных и предпочтительных траекторий, а исторические события создают разрывы между нормами и реальными биографиями. В результате взросление разных российских поколений различается не только таймингом отдельных событий, но и тем, как между собой соединяются образование, занятость и matrimониальный опыт.

Российская дестандартизация взросления имеет разные когортные формы. Для поколений 1990–2009 годов рождения она проявляется как растянутый старт взрослой жизни: длительное образование, совмещение учебы с занятостью и снижение брачности в сопоставимых возрастах. Для когорт 1970–1989 годов центральным становится закрепление высшего образования в устойчивой трудовой траектории. При этом гендерная асимметрия не исчезает, а перестраивается: у женщин поздний брак чаще сочетается с занятостью и завершен-

ным высшим образованием, что указывает на изменение прежней связи между браком, образованием и трудовой траекторией.

Эти результаты соотносятся с концепцией жизненного пути и подходом Райли к возрастной стратификации. В этой перспективе поколение рассматривается как когорта, проходящая через социальные институты в конкретный исторический момент. Демографические волны, меняя численность возрастных контингентов, создают неравномерную нагрузку на систему образования, рынок труда и семейные институты. Институциональная инерция, в свою очередь, может приводить к структурному отставанию, когда сложившиеся нормы и правила перестают соответствовать реальным биографическим траекториям. В советский период эта нагрузка встраивалась в более стандартизированные коридоры взросления: образование, занятость, брак и доступ к жилью были тесно связаны между собой. После распада СССР эти связи ослабли; пространство возможных последовательностей расширилось, но переходы во взрослость стали более растянутыми и неоднородными. Результаты также соотносятся с теорией второго демографического перехода: наблюдается дестандартизация последовательности «учеба–работа–брак», рост обратимых и отложенных переходов, удлинение периода биографической молодости. Однако российская траектория отличается тем, что эти процессы разворачиваются на фоне постсоциалистических реформ, экономической нестабильности и неоднородного распределения рисков между поколениями. Поэтому российский случай нельзя свести к простой модели постепенного перехода к более поздним и свободным биографиям: здесь ослабление линейной модели взросления накладывалось на резкую смену институциональных условий и выраженную неравномерность когортного потока.

21

Межпоколенческий анализ комбинаций статусов по данным РМЭЭ на срезах 2003 и 2023 годов показывает, что модели взросления россиян определяются не отдельными реформами или демографическими изменениями, а их длительным и накопленным действием. Коридоры взросления меняются тогда, когда образование, занятость и брак перестают складываться в единую линейную последовательность и начинают образовывать более вариативные комбинации. Именно в этой перестройке сочетаний статусов — различающейся по когортам и полу — проявляется российская дестандартизация взросления.

Финансирование / Funding

Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Список источников / References

Артамонова А. В., Митрофанова Е. С. (2016) Сожительства в России: Промежуточное звено или легитимный институт. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 131(1), с. 126–145. EDN: VTKOZF. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.04>

— Artamonova A. V., Mitrofanova E. S. (2016) Cohabitation in Russia: “Trial” Union or an Independent Social Institution. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 131(1), pp. 126–145. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.04>. — in Russ.

Барков С. А., Зубков В. И. (2022) Высшее образование: Непреодолимый институциональный разрыв с рынком труда. «ЭКО». *Всероссийский экономический журнал*, (4 (574)), с. 8–30. EDN: SIZQVK. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-4-8-30>

— Barkov S. A., Zubkov V. I. (2022) Higher Education: An Insurmountable Gap with the Labor Market. *ECO*, (4), pp. 8–30. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-4-8-30>. — in Russ.

Бирюкова С. С., Макаренцева А. О. (2017) Оценки «штрафа за материнство» в России. *Население и экономика*, 1(1), с. 50–70.

— Biryukova S. S., Makarentseva A. O. (2017) Evaluations of “Maternity Penalty” in Russia. *Population & Economics*, 1(1), pp. 50–70. — in Russ.

Бороздина Е. А., Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. (2012) Как распорядиться «материнским капиталом», или Граждане в семейной политике. *Социологические исследования*, (7 (339)), с. 108–118. EDN: PBVOIF.

— Borozdina E. A., Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (2012) How to Spend the “Maternal Capital”, or Citizens in Family Policy. *Sociological Studies*, (7(339)), pp. 108–118. — in Russ.

Вишневский А. Г., Андреев Е. М., Богоявленский Д. Д., Захаров С. В., Иванова Е. И., Кваша Е. А., Сакевич В. И., Харьковская Т. Л. (2006) *Демографическая модернизация России, 1900–2000*. Под ред. А. Г. Вишневского. Новое издательство.

— Vishnevsky A. G., Andreev E. M., Bogoyavlensky D. D., Zakharov S. V., Ivanova E. I., Kvasha E. A., Sakevich V. I., Kharkova T. L. (2006) *Demographic Modernisation in Russia, 1900–2000*. Ed. by A. G. Vishnevsky. Novoe Izdatelstvo. — in Russ.

Гимпельсон В. Е., Зудина А. А. (2017) Демографические проблемы рынка труда. *Демоскоп Weekly*, (729–730), с. 1–10. EDN: ZHEJLD.

— Gimpelson V. E., Zudina A. A. (2017) Demographic Problems of Labor Market. *Demoscope Weekly*, (729–730), pp. 1–10. — in Russ.

Долгова А. А., Митрофанова Е. С. (2015) Отделение от родительской семьи в России: Межпоколенческий аспект. *Экономическая социология*, 16(5). EDN: VUZCIN.

— Dolgova A. A., Mitrofanova E. S. (2015) Leaving the Parental Home in Russia: Intergenerational Aspects. *Journal of Economic Sociology*, 16(5), pp. 46–76. — in Russ.

Здравомыслова О. М. (2017) Как рождался «Советский патриархат». Григорий Баткис о сексуальной революции в России. *Демографическое обозрение*, 4(1), с. 124–143. EDN: ZGFNKZ.

— Zdravomyslova O. M. (2017) How Was Born the “Soviet Patriarchy”. Grigory Batkis About the Sexual Revolution in Russia. *Demographic Review*, 4(1), pp. 124-143. — in Russ.

Зиновьев С. И., Панов В. Г., Горшенев А. Н. (1969) Высшие учебные заведения. В: *Большая советская энциклопедия*. Советская энциклопедия.

— Zinovyev S. I., Panov V. G., Gorshenev A. N. (1969) Institutions of Higher Education. In: *Great Soviet Encyclopedia*. Sovetskaya Encyclopedia. — in Russ.

Казьмина О., Пушкарева Н. (2004) Брак в России XX века: Традиционные установки и инновационные эксперименты. В: *Семейные узы. Модели для сборки. Книга 1* (с. 185-219). Новое литературное обозрение. EDN: SMQOGN.

— Kazmina O., Pushkareva N. (2004) Marriage in 20th-Century Russia: Traditional Dispositions and Innovative Experiments. In: *Family Ties. Collection Models. Vol. 1* (pp. 185-219). Novoe Literaturnoe Obozrenie. — in Russ.

Конохова А. С. (2012) «И нам в ответ раздаются назначения по городам областного значения»: Система распределения выпускников вузов в СССР в годы хрущевской оттепели. *Новейшая история России*, (3 (5)), с. 233-242. EDN: PLRWMR.

— Konokhova A. S. (2012) “We Receive Appointments to the Backwoods Towns...”: Graduates’ Job Placement in USSR during the “Thaw” Period. *Modern History of Russia*, (3), pp. 233-242. — in Russ.

23

Любарский К. (1994) Паспортная система и система прописки в России. *Российский бюллетень по правам человека*, (2), с. 14-24.

— Lyubarskiy K. (1994) Passport System and the Propiska System in Russia. *Russian Human Rights Bulletin*, (2), pp. 14-24. — in Russ.

Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю. (2022) *Доступность высшего образования в России: Как превратить экспансию в равенство*. Изд. дом Высшей школы экономики .

— Malinovskiy S. S., Shibanova E. Yu. (2022) *Access to Higher Education in Russia: How to Turn Expansion into Equality*. Higher School of Economics Publishing. — in Russ.

Митрофанова Е. С. (2019) Модели взросления разных поколений россиян. *Демографическое обозрение*, 6(4), с. 53-82. EDN: GSPPFS. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10427>

— Mitrofanova E. S. (2019) Models of the Transition to Adulthood of Different Russian Generations. *Demographic Review*, 6(4), pp. 53-82. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10427>. — in Russ.

Митрофанова Е. С., Артамонова А. В. (2015) Последовательность жизненных событий у российских мужчин, служивших и не служивших в армии. *Демографическое обозрение*, (4), с. 5-36. EDN: VSBEQT. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i4.1769>

— Mitrofanova E. S., Artamonova A. V. (2016) The Sequence of Life Events of Russian Men Serving and Not Serving in the Military. *Demographic Review*, 2(4), pp. 77-110. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i4.1769>. — in Russ.

Радаев В. В. (2019) *Миллениалы: Как меняется российское общество*. Изд. дом Высшей школы экономики. EDN: RWCXHG. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2792-4>

- Radaev V. V. (2019) *Millennials: How the Russian Society Changes*. Higher School of Economics Publishing. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2792-4>. — in Russ.
- Тихонова Н. (2021) *Субъективная стратификация российского общества: Состояние, динамика, ключевые проблемы: аналитический доклад*. Изд. дом Высшей школы экономики. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2630-9>
- Tikhonova N. (2021) *Subjective Stratification in Russian Society: Current State, Dynamics, Key Issues: Analytic Report*. Higher School of Economics Publishing. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2630-9>. — in Russ.
- Ярская-Смирнова Е. Р., Лебина Н. Б., Романов П. В. (2008). Советская социальная политика и повседневность, 1940–1980-е. В: *Советская социальная политика: Сцены и действующие лица, 1940–1985. Научная монография* (с. 7–32). EDN: VYSFN.
- Yarskaya-Smirnova E. R., Lebina N. B., Romanov P. V. (2008) Soviet Social Policy and Everyday Life, 1940s–1980s. In *Soviet Social Policy: Scenes and Actors, 1940–1985* (pp. 7–32). — in Russ.
- Albertini M., Vignoli D. (2025) Aging in Aging Societies: The Transformation of Life Courses and How We Study Them. *The Journals of Gerontology, Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*, 80(Supplement_2), S233–S243. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbaf215>
- Alwin D. F., McCammon R. J. (2003) Generations, Cohorts, and Social Change. In: *Handbook of the Life Course* (pp. 23–49). Springer US. https://doi.org/10.1007/978-0-306-48247-2_2
- Badolato L., Billari F. C., Liefbroer A. C. (2024) Stratified Fertility: Age Norms, Ideals, Behaviors, and the Role of National Contexts. *European Journal of Population*, 40(1), p. 36. <https://doi.org/10.1007/s10680-024-09718-2>
- Billari F. C., Liefbroer A. C. (2007) Should I Stay or Should I Go? The Impact of Age Norms on Leaving Home. *Demography*, (1), p. 181. <https://doi.org/10.2307/4137227>
- Billari F. C., Liefbroer A. C. (2010) Towards a New Pattern of Transition to Adulthood? *Advances in Life Course Research*, 15(2–3), pp. 59–75. <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2010.10.003>
- Billari F., Hiekel N., Liefbroer A. C. (2019) The Social Stratification of Choice in the Transition to Adulthood. *European Sociological Review*, 35(5), pp. 599–615. <https://doi.org/10.1093/esr/jcz025>
- Cain Jr. L. D. (1964) Life Course and Social Structure. In: *Handbook of Modern Sociology* (T. 272, p. 309). Rand McNally.
- Cameron M. P. (2023) The Measurement of Structural Ageing — An Axiomatic Approach. *Journal of Population Research*, 40(1), 1. <https://doi.org/10.1007/s12546-023-09300-3>
- Eliason S. R., Mortimer J. T., Vuolo M. (2015) The Transition to Adulthood: Life Course Structures and Subjective Perceptions. *Social Psychology Quarterly*, 78(3), pp. 205–227. <https://doi.org/10.1177/0190272515582002>
- Frejka T., Zakharov S. (2012) Comprehensive Analyses of Fertility Trends in the Russian Federation during the Past Half Century. *Max Planck Institute for Demographic*

Research. Series «MPIDR Technical Report». No. WP2012-027.

Luci-Greulich A., Thévenon O. (2013) The Impact of Family Policies on Fertility Trends in Developed Countries: L'influence des politiques familiales sur les tendances de la fécondité des pays développés. *European Journal of Population*, 29(4), p. 387. <https://doi.org/10.1007/s10680-013-9295-4>

Puur A., Rahnu L., Maslauskaitė A., Stankuniene V. (2012) Past and Present Patterns of Family Formation in Eastern Europe: Does Hajnal's Delineation Still Matter? *Filosofija Sociologija*, (23(4)), pp. 256-265.

Puur A., Rahnu L., Maslauskaitė A., Stankuniene V., Zakharov S. (2012) Transformation of Partnership Formation in Eastern Europe: The Legacy of the Past Demographic Divide. *Journal of Comparative Family Studies*, 43(3), pp. 389-417.

Riley M. W., Foner A. (1968) *Aging and Society*. Russell Sage Foundation.

Riley M. W., Kahn R. L., Foner A. (eds.). (1994) *Age and Structural Lag*. Wiley Interscience.

Sakevich V., Denisov B. P. (2014) Birth Control in Russia: Overcoming the State System Resistance. *Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP*, 42.

Shkolnykova M., Wedemeier J. (2025) Differences in Economic Development in Central and Eastern Europe Over the Last 20 Years. *Intereconomics*, 60(2), pp. 114-118. <https://doi.org/10.2478/ie-2025-0022>

25 Reher D. S. (2015) Baby Booms, Busts, and Population Ageing in the Developed World. *Population Studies*, 69(sup1), S57-S68. <https://doi.org/10.1080/00324728.2014.963421>

Yastrebov G. (2021) The Demographic Echo of War and educational attainment in Soviet Russia. *Demographic Research*, 45, pp. 727-768. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2021.45.22>

Об авторе / About the author

Митрофанова Екатерина Сергеевна — к.с.н., старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики ИПЭИ РАНХиГС, Москва. Научные интересы: демография, концепция жизненного пути, взросление, анализ наступления событий жизни.

<https://orcid.org/0000-0002-3322-5922>. E-mail: mitrofanovy@yandex.ru

Ekaterina S. Mitrofanova — PhD in Social Sciences, Senior Researcher at the Center for Regional and Urban Studies (RANEPА), Moscow. Research interests: demography, life course approach, transition to adulthood, event history analysis.

<https://orcid.org/0000-0002-3322-5922>. E-mail: mitrofanovy@yandex.ru